

Глава I

Последняя воля Атея

Царь Атей старался сидеть в седле прямо, но то и дело задремывал, и тогда голова его падала на грудь, болтаясь на ходу, как неживая. В такие моменты члены свиты многозначительно переглядывались и показывали глазами на дряхлого вождя, которому пора было бы пересест с коня в кибитку и доживать там последние дни, покуда сыновья не удавят во сне или не отравят за пиршественным столом. Все сверстники девяностолетнего Атея давно отправились в заоблачные поля счастливой охоты, да и прочие редко доживали хотя бы до середины его преклонного возраста. Сам же он скрипел, кряхтел, корячился, но держался на этом свете, упрямо не желая смириться с законом жизни, предписывающим ему освободить дорогу молодым. Это было против правил, это раздражало и злило. Удивился бы вождь, узнай он, как много людей — близких и просто приближенных — желают ему смерти.

Эта была здоровая, природная ненависть сильных и молодых хищников, вынужденных подчиняться полуслепому и беззубому вожаку, стремительно утрачивающему остатки власти и силы. Они не набросились на него до сих пор лишь по одной причине: их удерживал страх. А вдруг Атей только прикидывается

безобидным и немощным? Вдруг наблюдает за окружающими из-под прикрытых век, чтобы в случае чего отдать приказ схватить и казнить непокорных? А вдруг подмигивания и ухмылки соратников притворны и являются не чем иным, как приглашением в ловушку?

Вот и оставалось приближенным вождя сдерживаться и выждать удобного момента, настороженно поглядывая друг на друга и на Атея, дремлющего в седле. Вытертые шлемом волосы его свисали редкими седыми прядями, короткий меч висел слишком низко, чтобы стремительно выхватить его на скаку, кожаный наряд был покрыт пятнами, свидетельствующими о старческой неопрятности обладателя. На фоне своих воевод и охранников смотрелся он как общипанный филин, окруженный сильными степными воронами. Даже конь Атея, семенящий мелкой рысью, заметно уступал тем горячим рыжим жеребцам с коротко подстриженными хвостами и гривами, которые нетерпеливо гарцевали и грызли удила, готовые в любой момент сорваться в галоп. Рука вождя больше не была способна подчинять своей воле могучего скакуна. Доспехи и украшения его потускнели, ибо слуги утратили рвение, а подслеповатый Атей не видел изъянов на небрежно начищенном золоте.

Он и сам понимал, что уже не такой, как прежде, но не мог признаться в этом даже самому себе. Дальний поход за Истр¹ совершенно вымотал его. Приходилось делать не столь долгие переходы, как в былые времена, не говоря уже о том, что в конце каждого дня войско останавливалось на ночлег, вместо того чтобы со-

¹ Древнее название Дуная. (Здесь и далее примеч. ред.)

вершать стремительные броски, опережая вражеских лазутчиков. Однако поручить командование сыновьям или воеводам Атей не решался, опасаясь разгрома. Биться предстояло не с разрозненными племенами фракийцев, а с самим македонским царем Филиппом, продвигавшимся навстречу. От исхода сражения зависела судьба не только скифского народа, но и их бесменного повелителя. Он отчаянно не хотел подохнуть на колу или принять какую-либо иную мученическую смерть, а все шло к тому...

Возможно, не следовало задираться и дразнить могущественного Филиппа, но что сделано, то сделано. Стрела летит только вперед и не способна вернуться обратно.

Началось все со стычек на границах, которые повелись нарушать трибаллы — большое и весьма воинственное племя. Долгое время прямых столкновений удавалось избежать благодаря хитрости Атея, который рядом со своими войсками гнал толпы женщин и скота, чтобы отпугивать врага огромными облаками пыли, разносимыми ветром. Однако в конце концов трибаллы проведали, в чем тут дело, и бросили скифам прямой вызов, отхватив у них изрядный кусок владений. Терять половину своего немногочисленного войска Атею не хотелось, и он призвал на подмогу македонян, посулив Филиппу скифское царство после своей смерти. Разумеется, это тоже было военной хитростью, и, когда македоняне отогнали захватчиков, Атей стал тянуть время, откладывая скрепление договора царскими печатями. Он понимал, что жить ему осталось недолго, и собирался все оставшееся время водить союзника за нос и кормить его пустыми обещаниями.

Филипп тоже был не прост, хотя по возрасту годился Атею во внуки. Земли скифов были нужны ему по-зарез, чтобы продвинуться как можно дальше на северо-запад и установить свое господство на Балканах. Когда послы, отправленные к Атею, вернулись ни с чем, он притворился, что ничего особенного не произошло, и отправил новое послание, в котором, не помня зла, спрашивал позволения подойти с войском к Истру, для того чтобы установить там статую Геракла согласно обету. Разгадав коварство македонянина, Атей заявил, что статую пусть привезут к границе, а поставит он ее сам. Если же Филипп попытается осуществить задуманное, то его воины пойдут на удобрение пастбищ, а статуя будет переплавлена на наконечники стрел.

Угроза не остановила Филиппа. С начала конфликта минуло достаточно времени, чтобы разведчики успели пробраться в Скифию и выяснить, что силы Атея вовсе не так велики, как принято считать, и на каждые десять тысяч воинов, которыми бахвалится царь, приходится всего одна настоящая тысяча. Филипп, ничего не ответив на угрозу, выступил в поход. Никакой статуи Геракла с собой он не прихватил, зато вел огромную армию, которой предстояло совершить то, что не удалось добиться вежливыми речами.

Было ясно, что наступил решающий момент. Или Атей остановит захватчиков, или будет вынужден бежать и скитаться в глуши и пустынях, что в его возрасте смерти подобно.

Что-то нехорошее привиделось царю, сердце которого было исполнено тревоги. Вскинувшись в седле, он поднял голову и заморгал, пытаясь разглядеть окружающий мир, расплывающийся перед глазами. Всад-

ники вокруг тоже подобрались, изобразив на физиономиях должного рода преданность и почтительность. Надо сказать, что это было вовсе не притворство, вернее, не столько притворство, сколько естественное побуждение. Несмотря на черные мысли, все чаще посещающие царских соратников, они еще помнили Атея в расцвете сил и грозной славы. Он одержал множество побед и не проиграл по-настоящему ни одного сражения. Его конница пробивала любой строй или же, рассеиваясь по полям, окружала врага и брала измором, пуская стрелы, поджигая траву и преграждая путь к водопою. И теперь он намеревался одержать еще одну победу, возможно, самую решающую в своей жизни. Последнюю победу.

Вполне проснувшись, Атей поманил пальцем сыновей и показал жестом, чтобы они ехали рядом. В то же время он окинул приближенных таким красноречивым взглядом, что вокруг них тут же образовалось пустое пространство, достаточное для того, чтобы поговорить, не повышая голоса и не будучи услышанными окружающими.

Гелен, насторожившись, подъехал с заинтересованным видом. Младший Картис рассеянно улыбался и грыз стебель луговой травы, как если бы ехал не на войну, а отбивать женщин у безвредных землепашцев.

— Это мой последний бой, — произнес Атей негромко, придерживая поводья и напрягая спину, чтобы не болтаться в седле бесформенным мешком. — В последний раз моя рука извлечет меч из ножен.

— Нет, отец, — поспешил заверить его Картис. — Ты по-прежнему силен и проворен, как лев.

— Сто врагов одолеешь еще, — поддержал его старший брат.

Атей их реплики пропустил мимо ушей: он прожил на этом свете достаточно долго, чтобы знать цену льстивым речам.

— Хочу поведать вам кое о чем перед боем, — сказал Атей, не поворачивая головы ни к одному, ни к другому, а глядя прямо перед собой, так чтобы видеть мир между стоячих ушей своего коня, как он привык делать это на протяжении всей своей жизни. — Мой отец был убит в спину в сражении с фракийцами. Сразил его не враг, а собственный сын, которому не терпелось унаследовать власть.

— Какой это был из твоих братьев, отец? — полюбопытствовал Гелен.

Ответ был настолько неожиданным для обоих сыновей Атея, что они онемели и обменялись недоумевающими взглядами.

— Это был я, — сказал царь.

— Э-э... — протянул Гелен, не зная, что ответить на слова отца.

— Но... — начал было Картис и умолк.

— Я не утверждаю, что один из вас или вы двое собираетесь совершить нечто подобное, — снова заговорил Атей, насладившись растерянностью сыновей. — Но на всякий случай предупреждаю вас. Если вдруг я паду в сегодняшнем бою, то ни один из вас не получит мою печать, священный меч и царский шлем. Все это я передал перед отъездом вашей сестре Арпате. Вы унаследуете символы власти лишь в случае моего благополучного возвращения домой. В противном случае царицей станет она.

— Это против правил! — горячо воскликнул Гелен.

— Женщина не может править нашим народом! — поддержал его Картис.

Первый при этом смертельно побледнел, тогда как второй раскраснелся и его лицо пошло пятнами.

— Кто сказал? — спросил Атей с холодным презрением. — Законы устанавливаю я, наместник Папая на земле. Такова наша воля, божья и царская. И любой, кто посмеет оспорить наше решение, умрет смертью изменника.

Братья молчали, кусая губы. Изменников в их краях закапывали в землю вниз головой, так чтобы босые ноги торчали наружу и каждый мог стегать их плетью или прижигать горящими угольями.

— Это хорошо, что вы молчите, сыновья мои, — сказал Атей. — Значит, обдумываете мои слова или уже приняли их к сведению. Отныне вы не можете не понимать, в чем состоит ваша выгода. Мы должны воротиться домой вместе, целые и невредимые. Тогда священные предметы вновь перейдут в мои руки, чтобы быть переданными одному из вас. После моей смерти, как вы понимаете. Но не той внезапной смерти, которая, случается, настигает царей, когда рядом отираются слишком нетерпеливые наследники. Вот причина, по которой сегодня вы будете биться плечом к плечу со своим отцом и радеть за то, чтобы никто не нанес ему предательского удара в спину.

Первым, кто нарушил молчание, был Картис.

— Арпата слишком молода и ничего не смыслит в правлении, — процедил он.

— Вот поэтому и позаботьтесь о том, чтобы корону надела не она, — спокойно ответил ему Атей.

Обезопасив себя, он даже не подумал о том, на какую судьбу обрекает свою позднюю любимую дочь, если сыновья все же воротятся в стойбище без него. Собственная жизнь волновала его куда сильнее.

Глава II

Решающая битва

Войско Филиппа оказалось в крайне неудобной позиции, ибо он оставил несколько тысяч пехотинцев на открытой местности, так что они были ничем не защищены от налета конницы. А именно в ней состояла сила скифов. Приученные ездить верхом с детских лет, они чувствовали себя в седле увереннее, чем иные люди, стоящие на собственных ногах. Любой воин умел скакать и стрелять задом наперед, выпрямляясь на спине лошади во весь рост, спрыгивая на ходу и делая пробежки рядом с конем, когда нужно было укрыться от вражеских стрел.

— Они попались! — возбужденно произнес Картис, глядя на македонян с пологого холма, словно нарочно выросшего здесь, чтобы дать скифам разогнать коней как следует.

Вражеская армия казалась издали лоскутным одеялом, расстеленным на зеленой траве. Было начало осени, и воздух радовал своей невероятной прозрачностью. Даже старческие глаза Атея могли разглядеть мельчайшие детали снаряжения македонян.

— Посмотрите на этих неразумных! — воскликнул он, вытянув вперед дрожащий указательный палец. — Стоило тащить в дальний поход такие огромные щиты, которые делают воинов неповоротливыми и уязвимыми!

— Когда мы гостили у Филиппа, — припомнил Гелен, — я попробовал поднять такой щит и удивился. Слишком большой и тяжелый, чтобы перемещаться с ним свободно. Неужели эти бараны думают, что смогут заслониться своими щитами от наших коней?

— У них просто нет походных щитов, легких и удобных, как наши, — предположил Картис. — Вот и взяли те, что были.

— И сейчас поплатятся за это, — усмехнулся Атей. — Македонянин еще не понял, с кем связался. Ничего, сейчас поймет.

Атей поднял руку в засаленном кожаном рукаве, сползшем до локтя.

— Ты не собираешься вести переговоры, вождь? — удивился Милон, командовавший одной из пяти тысяч всадников.

— Нет, — отрезал Гелен. — Отцу не о чем говорить с подлым захватчиком. Филипп самовольно пришел на нашу землю, несмотря на наш запрет.

Продолжая держать руку на уровне плеча, Атей, все еще готовый подать сигнал, саркастически усмехнулся:

— Кто-нибудь видит статую Геракла, которую македоняне привезли с собой? Нет. Это был лишь предлог. Они пришли с войной.

Некоторое время царь и его свита молча рассматривали армию, с которой скифам предстояло сразиться. Даже при том, что Филипп, вне всякого сомнения, разместил конницу и лучников где-нибудь на соседних холмах, задача не представлялась сложной. Оставленная в чистом поле пехота с непомерно большими щитами не внушала опасений.

Царская рука упала, делая отмашку.

В ожидании этого момента скифы накручивали своим коням уши и всячески горячили их иными способами. Теперь же, как только знак был дан, все они одновременно издали ужасающий воинственный клич и ударили пятками по крутым лошадиным бокам. Конница, набирая скорость, сорвалась с места и покатила через долину.

Вражеская пехота поспешно поднялась и сбилась воедино, загорюничавшись щитами. Никогда за всю свою долгую жизнь Атей не видел столь плотного строя пеших воинов. Не доводилось ему видеть и таких длинных копий, как те, которыми оцетинились македонские пехотинцы.

Конница ударила об эти копы и щиты со всего размаху, произведя ужасный шум, в котором смешались грохот ударов, лошадиное ржание и мужские проклятия.

— Они не достают, они не достают! — вскричал Гелен, не сумевший сдержать чувств при виде происходящего.

Напрасно скифы пытались пробить глухую оборону македонян своими короткими копьями, мечами и стрелами. Очень скоро вокруг гигантского прямоугольника щитов образовались целые валы из мертвых и раненых тел. Конница скифов начала рассеиваться по полю, растеряв решимость и злость, без которых невозможна полноценная атака.

— За мной! — заорал Атей, перекосив рот. — Они раздвигают щиты!

Тысяча Милона, оставшаяся на взгорке с царем, помчалась за ним. Сыновья царя и его ближайшие соратники подзадоривали коней, чтобы вырваться вперед и не дать повода усомниться в их отваге. Но впереди всех все же скакал Атей. И откуда только силы

и бодрость духа взялись в его немощном теле? Он никому бы не признался в этом, но на врага его гнал страх, а не воинский запал. Царь прекрасно понимал, что нарушил договор и является преступником, с которого Филипп имеет право спросить и непременно спросит, получи он такую возможность. Атей не собирался попадать в плен. Слишком памятна была ему судьба других скифских царей, которых возили по миру в клетках, а потом предавали мучительной и унижительной казни.

Атей был готов сложить голову в бою, лишь бы не быть схваченным. Бегать по степям и прятаться не имело смысла, поскольку беглеца все равно выследили бы и прикончили свои же. Волк, растерявший зубы, никому не нужен. Соплеменники поспешат припомнить ему былые обиды, а прочие постараются избавиться от чужака. Нет! Победа или смерть!

Решимость царя передалась и его войску. Увидев, как Атей несется на врага во главе конной тысячи, прочие тоже поворотили коней и, подбадривая себя иступленными воплями, ринулись назад.

Меж тем, пока суть да дело, македоняне изменили тактику и перестроились. Они не стали держаться монолитной кучей, а разделились на три фаланги, которые разошлись в стороны, оставив между собой довольно обширные пространства примятой травы. Выбрав крайний отряд, не огражденный кучами трупов, Атей поскакал туда.

Вместо того чтобы лететь прямо на выставленные копья, он повел своих всадников по кругу. Вооружившись луками, те поражали стрелами каждую голову, руку и ногу, неосторожно высунувшуюся из-за ограды щитов. То же самое проделывали и остальные тысячи,

окружившие другие отряды. Расчет строился на том, чтобы вывести из строя как можно больше врагов и тем самым проредить лес выставленных копий.

Увлеченные скачкой и стрельбой, скифы не заметили, как на ближние холмы высыпали македонские лучники, натянувшие тетивы. Одновременно с ними в движение пришла вражеская конница, появившаяся вовсе не там, где ее ждали, а с той стороны, откуда пришли скифы. Но самым страшным было то, что, подчиняясь крикам полководцев, фаланги мерно двинулись навстречу друг другу, зажимая в железные тиски тех, кто имел несчастье оказаться между ними.

Это походило на гигантские жернова, перемалывающие людей и их лошадей. Движение македонян было неспешным, но неумолимым. Семиметровые копья пронзали скифов, уже не понимавших, откуда их настигает смерть. Сверху сыпались стрелы, с севера неслась вражеская конница, а здесь, на поле боя, стены щитов и частокол копий сминали, протыкали и сокрушали все живое. Биться приходилось не с отдельными воинами, а с монолитными фалангами, уязвимыми разве что с флангов. Да и кто теперь был способен разобрать, где фланги, где тыл, а где фронт!

Взлетали на дыбы кони и падали, хороня под собой всадников. Самые отчаянные поднимались на седла, чтобы прыгнуть в гущу врагов сверху, но смельчаков было слишком мало, и подвиги их оказывались никому не нужными, а сами они гибли напрасно. Впрочем, такова смерть каждого, принимающего участие в сражении. Сходятся две слепые силы и разят друг друга, пока одной не удастся взять верх.

Победа македонян была не просто полной — она была сокрушительной. Тех из скифов, кто не выдер-